

КАРЛ ШТЕЙНГАРДТ (ГРУБЕР) ВСТРЕЧИ С ВЕЛИКИМ ЛЕНИНЫМ

Впервые я увидел и услышал В. И. Ленина в середине февраля 1910 г.¹ Это было в Лондоне, куда я в начале 1909 г. был приглашен секретариатом Лондонского просветительного общества немецких рабочих (в деятельности которого в свое время принимали участие Карл Маркс и Фридрих Энгельс), чтобы взять на себя редактирование начавшего вновь выходить органа этого общества — газеты «Londoner Volkszeitung». В те времена я еще был убежденным приверженцем «марксизма» отто-бауэровского толка. Социалистов всех стран особенно сильно волновали тогда вопросы, связанные с предстоявшим вскоре Копенгагенским конгрессом II Интернационала, и прежде всего — вопрос об отношении к войне и милитаризму. Поэтому секретариат нашего клуба решил пригласить представителей ряда социалистических партий Европы, чтобы обменяться мнениями по этому животрепещущему вопросу. В дискуссии за «круглым столом» приняли участие, в частности, Ледебур, Эрве, Макдональд, Гайндман, Бернард Шоу, Чичерин и Штейнгардт. Русские товарищи обещали, что Ленин прибудет на один день в Лондон. Ленин действительно приехал, хотя и немного запоздав. Он извинился за опоздание, вызванное туманом в Ла-Манше.

Итак, каждый из присутствовавших на дискуссии высказывал свое мнение о грозившей войне. Всем было ясно, что война уже стоит на пороге. Но в вопросе о том, какую позицию должен занять в случае войны пролетариат воюющих стран, единства не было. Представители социалистов стран Запада неразрывно связывали интересы пролетариата этих стран с интересами «своей» буржуазии.

- Если победит Германия, Лондонский порт замрет,— сказал Макдональд.
- Если победит Англия, замрет Гамбургский порт,— возразил Ледебур.
- Мы будем голосовать против войны обеими руками,— заявил Эрве,— но нам нужна Эльзас-Лотарингия.

Я высказал свои опасения на тот случай, если победит Россия: тогда, считал я, восторжествует панславизм.

Последним высказался Ленин. Во время предыдущих выступлений он быстро набрасывал заметки в небольшом блокноте и, подперев голову рукой, иногда улыбаясь, иногда прищуривая глаза, внимательно прислушивался к спору. В своем выступлении он прежде всего остановился на принципиальной стороне вопроса: каков будет характер предстоящей войны? В скупых, но выразительных словах он осветил тенденцию капитализма ведущих стран Запада к расширению своей власти в мировом масштабе. Затем он показал разницу между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами и охарактеризовал важнейшие черты империализма, стремящегося вторгнуться народы в пучину войны за передел мира. Независимо от победы или поражения той или иной страны пролетариат в любом случае окажется побежденным, если даст увлечь себя шовинистическими лозунгами. Есть два типа войн. Одни —

Карл Штейнгардт (Грубер) — ветеран австрийского рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Австрии, делегат I, II и III конгрессов Коминтерна.

¹ Указанная дата пребывания В. И. Ленина в Лондоне документально не подтверждается. По имеющимся данным, В. И. Ленин находился в Лондоне в ноябре 1911 г. О факте участия В. И. Ленина во встрече, организованной Лондонским рабочим просветительным обществом, никаких иных источников не имеется.—
Прим. ред.

это война за интересы капиталистов, против нее пролетариат должен бороться всеми силами. Но есть и война справедливая, когда народ, угнетенные классы стремятся освободиться от ига. Эту войну, войну революционную, пролетариат всего мира должен поддерживать. После этого общего вступления Ленин обратился к высказываниям отдельных ораторов, убедительно показав всю их ошибочность.

Ленинские неопровержимые доказательства дали мне чрезвычайно ясно понять, что те взгляды, которых я придерживался под влиянием Отто Бауэра, были не чем иным, как псевдомарксизмом. Нелегко было мне отказаться от того, что я долгое время считал единственно правильным. Я снова принялся за изучение трудов Маркса и Энгельса, на этот раз в тесной связи с принципами партии большевиков — партии Ленина. Ленинская диалектика обесоружила меня и моих товарищей, мы не могли противопоставить ей ничего, кроме собственной политической близорукости. Ленин распознал смысл так называемого «австромарксизма» — «цвета» II Интернационала — как учения о словах, а не о делах. Ленин разоблачил половинчатость и противоречивость II Интернационала. История доказала правоту Ленина, в том числе и в оценке «марксизма» Отто Бауэра.

Когда в 1913 г. я вернулся в Вену (меня выслали туда из Германии), я уже воспринимал политическое поведение лидеров социал-демократии и профсоюзов критически. Чем сильнее становилась угроза мировой войны, тем больше росло мое недоверие к искренности заявлений социал-демократических вождей об их готовности выполнить свой интернациональный долг. Насколько обоснованным оказалось мое недоверие, подтвердила и измена австрийской социал-демократии в августе 1914 г. Опубликованием в газете «Arbeiterzeitung» статей «Великий день германского народа» и «На Париж!» австрийская социал-демократия и ее пресса стали на позиции самого безудержного шовинизма. От этой болезни и скончался бесславно II Интернационал. Необходимо было повести решительную и принципиальную борьбу против позорной измены лидеров II Интернационала, против дезорганизации, внесенной ими в ряды мирового пролетариата.

Став к тому времени убежденным марксистом, я вместе с другими товарищами, сначала в полной изоляции, стремился пробить в Австрии единый фронт национализма, шовинизма и вульгарной ограниченности. Силы мне давало учение марксизма-ленинизма.

Четыре года войны — четыре года борьбы против войны, за революционный выход Австрии из нее. Ожесточенная борьба внутри партии, в профсоюзах, на предприятиях. Медленно, даже против своей воли освобождались рабочие от внушенной им оппортунистической идеологии и иллюзий. Лишь постепенно разжимался железный обруч охватившей рабочих политической депрессии.

В 1916 г., после того как я был исключен из социал-демократической партии, мне как организатору леворадикальной группы удалось через одного товарища установить связь с Лениным, находившимся в Цюрихе. Мы горячо поддерживали позицию Ленина, возглавившего циммервальдскую левую. Нашей целью был выход Австрии из войны. Нашей целью было создание Коммунистического Интернационала.

В ходе войны в Австрии возникло также несколько различных политических групп, которые объединялись для борьбы под общим лозунгом «Долой войну!». Среди них были «левые социалисты», «воинствующие социалисты», синдикалисты, анархисты и др. Их политическая позиция была смутна и неопределенна. Часть из них была исключена из социал-демократической партии; другая сама вышла из нее, так как там не было возможности вести политическую борьбу. Многие, особенно молодежь, вообще не были политически организованы. Естественно, что именно наша революционная группа взяла на себя руководство борьбой против империалистической войны, за создание III Интернационала.

16 января 1918 г. в Австрии началась стачка. Январская забастовка 1918 г. сплотила рабочий класс страны для мощной борьбы. По русскому образцу были созданы рабочие Советы. Под лозунгами «Мы хотим действовать по-русски!», «Вся власть рабочим Советам!» трудящиеся массы вышли на улицу.

Три дня бастующие владели улицей. Но тогда принялись за дело социал-демократические и профсоюзные лидеры. Лживыми обещаниями и посулами они добились прекращения стачки, и уже проигранная война продолжалась дальше.

Но лед был сломан. Несмотря на волну репрессий, арестов, отправки на фронт: несмотря на полицейский надзор и запрещение всех политических собраний, анти-военное движение ширилось и крепло. Ленинский призыв к миру нашел мощный отклик у австрийских рабочих масс.

В период с января по октябрь 1918 г. наиболее последовательные, марксистски группы возглавили революционное движение в Австрии. 3 ноября 1918 г. руководители всех этих групп, собравшись на совещание, решили объединиться в единую марксистскую революционную партию. По моему предложению ей было дано наименование Коммунистическая партия Австрии. Был избран Исполнительный комитет, которому поручили подготовить съезд партии.

9 февраля 1919 г. состоялся первый съезд КПА. Он принял временную программу партии и избрал меня председателем КПА. Мною было получено от Ленина приглашение послать в Москву делегата на Международную коммунистическую конференцию. Я выступил за принятие этого приглашения с тем, чтобы наш делегат вне предложение считать эту конференцию Учредительным конгрессом Коммунистического Интернационала. Съезд принял это предложение и направил меня в Москву.

Для нас, австрийских коммунистов, создание III Интернационала после позорного краха II Интернационала было вполне назревшим делом. Как только до нас дошла весть о Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной по руководством Ленина, пропаганда идеи создания нового, Коммунистического Интернационала заняла решающее место в нашей работе. В связи с нелегальным празднованием 1 Мая 1918 г. мы подготовили первый номер коммунистической газеты «*Werkruf*». Я написал для нее передовую под заголовком «III (Коммунистический) Интернационал», в которой поддерживал требование ввиду полной недееспособности псевдомарксистского II Интернационала создать новый, подлинно марксистский.

Я сообщил Ленину о решении нашего партийного съезда и о моем делегировании в Москву. Поскольку открытие конференции было назначено на 2 марта 1919 г., мне казалось, что у меня достаточно времени добраться из Вены в Москву. Но путь в Москву был тогда тяжел и полон препятствий и неожиданностей. Мне приходилось ехать на ступеньках вагонов, на крышах, буферах и даже на тендере и на площадке локомотива. Там было хотя и грязно, но, по крайней мере, тепло, а ведь стоял мороз в 20—27 градусов. Когда мне удавалось сесть в вагон для скота, это было уже большой удачей, потому что значительную часть долгого, 17-дневного пути мне пришлось проделать пешком. Фронтальная полоса проходила тогда в районе Киева. Здесь шли только военные эшелоны. Я маскировался под оборванного солдата, возвращающегося из плена, и мне все время грозила опасность быть схваченным и расстрелянным белыми. К тому же я не знал ни слова по-русски. Не раз я едва не попадал в руки белых.

Случилось так, что я уж думал, что настал мой последний час. Меня все же арестовали и доставили в штаб (как мне потом стало ясно, в штаб дивизии). Это могли быть только белые, думалось мне, потому что последняя деревня, которую я покинул вечером, была занята ими. В полутемной комнате меня стал допрашивать начальник. Я старался, как мог, уберечь свою рваную военную форму от тщательного обыска,—ведь там под подкладкой был зашит мой мандат! И вот, считая себя уже погибшим, я при тусклом свете керосиновой лампы вдруг заметил на его лежавшей на столе фуражке маленькую красную звездочку! Велико было удивление красных командиров, когда я совершенно откровенно заявил им, что добираюсь в Москву на созываемую Лениным конференцию. В доказательство я предъявил им свой «мандат» — кусок холста величиной с тарелку, с текстом, написанным чернильным карандашом.

Теперь путь мой уже стал легок. Утром командир дивизии проводил меня на станцию Фастов и посадил на паровоз, шедший в Киев. Там меня передали на попечение товарищей из партийного комитета, которые усадили меня в классный вагон поезда, отправлявшегося в Москву. На дорогу меня снабдили целым мешком продуктов: в Москве с продовольствием неважно, сказали мне киевские товарищи. Они просили меня передать Ленину самый горячий боевой привет.

Итак, на этот раз без всяких приключений 3 марта 1919 г., на другой день после

открытия исторической конференции, которой суждено было стать I (Учредительным) конгрессом Коммунистического Интернационала, я прибыл в Москву. С вокзала я отправился в гостиницу «Метрополь», а оттуда — прямо в Кремль. В Кремль я проник, но вот в зал заседаний охрана меня не пустила. Неспим охрану курсантам показался недостаточным написанный на куске материи мандат. Наконец с помощью одного из делегатов мне удалось получить от Ленина пропуск, действительный на этот день.

Мое появление в небольшом зале заседаний привлекло всеобщее внимание. Тяжелый мешок с провиантом я положил на возвышение, где находился стол президиума. Ленин поднялся, широко улыбаясь, пошел мне навстречу, протянул мне обе руки и расцеловал в щеки.

— Товарищ Грубер, мы сейчас же дадим Вам слово, — сказал он.

Я пытался возражать, что в таком виде не могу выступить перед собравшимися, но Ленин ответил:

— Вот именно это и хорошо.

Ленин объявил присутствовавшим, что слово для доклада об австрийском рабочем движении имеет только что прибывший делегат из Австрии, которого все уже считали погибшим. Меня встретили аплодисментами. Когда я закончил свое сообщение, Ленин крепко пожал мне руку и сказал:

— Отлично, отлично, товарищ Грубер!

— Моя фамилия — Штейнгарт, — поправил я.

— Для нас Вы — товарищ Грубер, — ответил Ленин.

После заседания Ленин сам распорядился обо всем, что касалось моего устройства, и потом лично проверил, как выполнены его распоряжения.

Вскоре мне сообщили, что Владимир Ильич хочет побеседовать со мной сегодня вечером и просит зайти к нему в кабинет. И вот мы сидим за его письменным столом и обсуждаем ход работы конференции. Ленин знакомит меня с результатами первых заседаний. Русская делегация внесла предложение об учреждении Коммунистического Интернационала и он, Ленин, защищал это предложение. Но немецкий делегат Г. Эберлейн высказался против немедленного основания Коминтерна, мотивируя это тем, что не уполномочен на то своей партией. Ввиду этого русской делегации пришлось временно взять свое предложение назад. С моим же прибытием, сказал Ленин, положение изменилось, поскольку я прямо уполномочен голосовать за немедленное создание Коминтерна. Поэтому Ленин рекомендовал на утреннем заседании 4 марта поступить так. Он, Ленин, сообщит, что австрийский делегат по независящим от него обстоятельствам не смог принять участие в первых заседаниях конференции, а тем самым и выступить в поддержку предложения о немедленном основании Коммунистического Интернационала. Ввиду этого австрийский делегат в своем заявлении совместно с другими делегатами просит конференцию вновь включить вопрос о создании Коминтерна в повестку дня. Заявление это должно быть подписано четырьмя делегатами. Если конференция согласится рассмотреть его, мне предоставят слово для обоснования. Он, Ленин, убежден в том, что австрийское предложение о создании Коминтерна будет поддержано всеми делегатами.

Так и произошло 4 марта 1919 г. Ленин открыл заседание и после выступлений нескольких делегатов мне дали слово для обоснования решения о том, что конференция постановляет конституироваться в качестве Учредительного конгресса Коммунистического Интернационала. В ответ на это предложение раздались громкие аплодисменты. Затем перешли к голосованию. Предложение было принято единогласно². Результаты голосования вызвали всеобщее воодушевление, все делегаты стоя запели «Интернационал». Ленин, сияя от радости, жал мне руки и, улыбаясь, повторял:

— Отлично Вы это сделали, великолепно!

На этом же заседании были заслушаны тезисы и доклад Ленина о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата, которые вошли в историю международного коммунистического движения как его важнейший программный документ.

Для подготовки ряда вопросов и решений пришлось создать несколько комиссий, но тут возникли трудности персонального характера. В конгрессе смогли принять

² Делегация КПГ от голосования воздержалась. — *Прим. ред.*

участие представители не всех стран, так как гражданская война и иностранная интервенция помешали им прибыть в Москву. Мне повезло, но делегаты из ряда других стран, заявившие о своем согласии принять участие в конгрессе, не смогли попасть на него. Поэтому одним и тем же делегатам пришлось работать в нескольких комиссиях. Меня включили в состав комиссии по политическим и организационным вопросам, а также в редакцию печатного органа Исполкома Коминтерна — журнала «Коммунистический Интернационал».

Днем 4 марта 1919 г. мне пришлось вместе с Эберлейном участвовать в работе над окончательным текстом Манифеста конгресса. Мы с Эберлейном должны были не только перевести его на немецкий язык, но и отредактировать. Вечером пришел Ленин и вместе с нами работал над Манифестом с 10 часов вечера до 6 часов утра. Ленин был неутомим и закончил работу только тогда, когда мы прочли абзац за абзацем, фразу за фразой и отшлифовали не только содержание, но и стиль Манифеста. Не раз мы спорили насчет той или иной формулировки, и каждый раз Ленин выходил победителем. Тогда он с удовлетворением улыбался нам своей подкупающей улыбкой и весело подмигивал левым глазом. Видя, что мы с Эберлейном уже порядком устали, он время от времени прерывал работу и начинал шутить. Ленин любил шутку и умел смеяться от всего сердца. Такую жизнерадостность мне приходилось наблюдать только у Фридриха Энгельса.

Когда в 6 часов утра 5 марта 1919 г. мы закончили работу, Ленин сказал нам: — Послушайтесь моего испытанного совета. Не ложитесь спать, а примите-ка хорошую горячую ванну, потом холодный душ, позавтракайте как следует и пройдите до начала заседания.

Так мы и сделали. Совет Ленина вполне оправдал себя.

Работа конгресса в основном подходила к концу. Его секретариату было поручено руководить деятельностью Коминтерна до следующего конгресса, который решено было созвать по возможности в следующем году. В период Конгресса делегаты не раз выступали на многочисленных собраниях трудящихся Москвы. Мне лично довелось выступить на огромном митинге в Большом театре, где произнес речь и Ленин. По окончании конгресса мы, иностранные делегаты, разъехались по домам. Не всем удалось добраться благополучно. Я воспользовался самолетом, чтобы долететь до Будапешта, где только что произошла революция, но самолет был сбит румынскими войсками. Меня арестовали и приговорили к смертной казни по обвинению в шпионаже, а затем направили в лагерь смертников, откуда мне через 11 месяцев удалось бежать.

В июле 1920 г. я вновь побывал в Советской России на II конгрессе Коминтерна и был сердечно встречен товарищами, которые уже вновь мысленно похоронили меня. Открытие конгресса происходило в Петрограде — городе Великого Октября — в Таврическом дворце, где обычно заседал Петроградский Совет. Незадолго до открытия зал переполнен. В проходе перед сценой масса народа. Я сижу в президиуме рядом с Горьким. Горький говорит:

— Смотрите, Ленин!

Мы видим, как Ленин пробирается к трибуне. Его приветствуют с обеих сторон. Наконец Ленин высвобождается и быстрыми, мелкими шагами идет по проходу. Лица вокруг него светлеют, когда люди видят его улыбку. Слышатся приветственные возгласы, царит приподнятое настроение. В зале жарко. Ленин вытирает платком вспотевший лоб. Он пожимает мне руку и говорит:

— Нелегко войти в Петроградский Совет!

Заседание открывается. Ленин выступает с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. Впечатление такое, будто это разговор с товарищами с глаза на глаз. В конце доклада — бурная овация. Ленин старается занять незаметное место позади трибуны, словно ему как-то неловко. Он не любил оваций.

Вспоминается мне и III конгресс Коминтерна в 1921 г. Я сижу сбоку на возвышении, к которому ведут три ступеньки. Неожиданно в зале возникает какое-то волнение. Оглядываясь и вижу Ленина, который собирается сесть на ступеньке. Я встаю и уступаю ему место, но он, энергично надавив мне на плечо, заставляет меня сесть и шепчет:

— Сидите спокойно.

Затем Ленин располагается рядом со мной на ступеньках и быстро делает какие-то записи в блокноте. Вдруг он спрашивает меня:

— Что сказал сейчас оратор?

Я рассказываю, но самому мне кажется, что в выступлении этого оратора нет ничего особенного.

После нескольких ораторов объявляют, что сейчас выступит Ленин. Зал замирает. Ленин говорит, и я замечаю, что основным моментом, подвергшимся его критике, явились как раз те слова оратора, о которых меня спрашивал Ленин и которые мне показались малозначимыми. Таково было искусство Ленина проникать глубоко в смысл каждого высказывания.

* * *

В заключение мне хочется сказать еще несколько слов о Ленине как человеке. «В своей простоте величайший человек», — написал я в альбоме, который был преподнесен В. И. Ленину к его 50-летию делегатами II конгресса Коминтерна. Незабываемыми остались для меня его сердечный смех, его любовь к шутке, его непринужденная жизнерадостность. Поразительна была ленинская работоспособность и неутомимость. Я никогда не видел Ленина усталым.

Не раз я убеждался в исключительной заботливости Ленина о товарищах. Вспоминается, какое исключительное внимание он проявил к заболевшему тифом Джону Риду, как старался сделать все возможное, чтобы спасти его от смерти.

Когда после окончания I конгресса Коминтерна я уезжал домой через Венгрию, где была провозглашена Советская Республика, Ленин передал мне несколько писем к Бела Куну. Кроме того, Ленин вручил мне бумагу и сказал:

— Этим Вы воспользуетесь, если у Вас будут затруднения при возвращении на родину.

Прощаясь, он положил мне руки на плечи и сказал:

— Будьте осторожны, товарищ Грубер, Вы еще понадобится.

Но Ленин умел быть и резким, когда речь шла об ошибочных политических решениях. Во время III конгресса Коминтерна был такой случай. В некоторых местах Северной Франции в это время возникли стачки, для подавления которых полиция применяла оружие. В связи с этими выступлениями рабочих французские делегаты предлагали объявить всеобщую стачку по всей Франции. Когда Ленин узнал об этом непродуманном намерении, он резко указал товарищам на ошибочность их требования, которое не отвечало тогдашним реальным политическим условиям во Франции.

Встречи с великим вождем пролетариата навсегда остались в моей памяти, и сейчас, будучи уже в преклонном возрасте, я все еще помню их как самые яркие события моей жизни, мысленно воскрешая перед собой бессмертный ленинский образ.

